

На правах рукописи

КИЛЬДЮШЕВА Алина Анатольевна

**СОЦИОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН В КУЛЬТУРЕ
ПЕРВОБЫТНЫХ ОБЩЕСТВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Кемерово 2009

Работа выполнена в секторе археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Тихонов Сергей Семенович

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Кулемзин Анатолий Михайлович

доктор культурологии
Семенова Валентина Ивановна

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Защита состоится 6 ноября 2009 г. в 13-00 часов на заседании диссертационного совета Д 210.006.01 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии при ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, ауд. 218.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан «   » октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 210.006.01
кандидат культурологии, доцент

Н.И. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одной из важных проблем истории и культуры первобытного общества является реконструкция древних социумов как социокультурной целостности. В современной культурологии одним из аспектов изучения культуры является гендерный. Гендерные различия стали специальным предметом культурологических исследований в нашей стране сравнительно недавно, в 90-е гг XX в. Ранее рассмотрение человека и его культуры в социально-гуманитарном знании оставалось в значительной степени общим. В то время как в реальности существовали и существуют две части культуры – «мужская» и «женская», которые могут рассматриваться как две субкультуры со своей спецификой, и требуют отдельного исследования в различные исторические эпохи.

Однако есть несколько противоречий, которые затрудняют изучение культуры и, как ее части, «женской субкультуры» первобытных обществ.

Большинство работ, посвященных реконструкциям социальной организации древнего населения Сибири, выполнены по материалам раннего железного века и средневековья, по бронзовому веку исследований немного.

Разработаны теоретико-методологические положения и методики, необходимые для реконструкции половозрастной, семейно-брачной, сословно-ранговой, потестарной, профессиональной, религиозно-мифологической структур, составляющих социокультурную целостность древних обществ, но недостаточно исследований микроструктур обществ, т.е. социальных объектов (статусов и ролей, групп) первобытных социумов.

Фактически реконструкции социальных структур основаны на использовании данных лишь по мужской части обществ, анализе социальных ролей, присущих мужчинам. В результате чего выстраивается иерархическая градация мужских социальных групп - правитель, знать, воины, жрецы, рядовое население и т.д. В то время как, положение женщины в обществе определяется через ее брачный статус - «невеста», «жена», но социальный статус анализируется редко. При этом осуществляется сравнительный анализ социального положения мужчины и женщины с точки зрения доминирования одного из полов. Игнорируются гендерные аспекты первобытной культуры. «Мужская субкультура» отождествляется с культурой того или иного общества в целом.

Существуют представления о том, что изучение статуса женщин по данным погребального обряда (как одного из главных источников для исследования социокультурных вопросов эпохи первобытности) неперспективно по следующим причинам: 1) социальный статус женщины зависел от социального положения мужчины, поэтому заниматься изучением женских погребений нет необходимости; 2) исходя из того, что женские захоронения однородны, не отличаются между собой какими-либо особенностями, то социальный статус женщин будет слабо прослеживаться по погребальному обряду, поэтому выделить какие-либо группы женщин сложно; 3) расслоение общества проявляется, прежде всего, в «богатых» мужских погребениях, а наличие сопроводительного инвентаря (в том числе и разная степень обеспеченности им) в женских захоронениях характеризует «богатство» всего общества в целом, а не показывает их личное социальное положение, поэтому нельзя говорить о включённости женщин в социальную иерархию

общества. Вероятно, с этим связано, то, что изучение женских погребений ограничивалось общей характеристикой; социальный анализ проводили в редких случаях.

Общепризнано, что в первобытном обществе именно половозрастной фактор являлся фундаментом, на основе которого уже выстраивались все остальные структуры, но существуют немногочисленные работы, направленные на изучение социально-возрастных процессов, возрастного символизма по данным погребального обряда.

Утверждается, что «женская субкультура» традиционна и консервативна, что многие её элементы могут быть прослежены с древних времён вплоть до этнографической современности. Одним из таких элементов является костюмный комплекс женщины, в котором фиксировались все социовозрастные изменения в её жизни. Он включал одежду (тип, орнамент, вышивка, цвет одежды), обувь, головной убор, украшения (одежды, головные, шейно-нагрудные, для рук, локализация украшений) и причёску. Имея высокий семиотический статус и магические функции, костюмный комплекс выступал своеобразным «маркером» женщины. Ярко выраженным и наиболее значимым признаком был головной убор (в том числе причёска и головные украшения), отличающийся большим разнообразием и сложностью. По мере взросления и перехода из одной социовозрастной группы в другую изменялся костюм женщины, её головной убор и причёска, типы и количество украшений. Усложнение и увеличение признаков характерно для периода: девушка – зрелая женщина. Максимумы они достигали именно в период зрелости (замужества и рождения детей). Сокращение числа признаков или исчезновение многих из них, их простота характерны для нисходящего этапа: зрелая женщина – пожилая женщина. Однако исследователи не используют в полной мере этнографические и культурологические аналогии, универсальные понятия культуры при изучении социально-возрастной дифференциации женщин в первобытных обществах по археологическим и антропологическим данным.

Вышеуказанные обстоятельства актуализируют, в целом, изучение «женской субкультуры» первобытных обществ и, в частности, изучение социального положения женщин в социумах бронзового века Западной Сибири.

Степень изученности темы. В истории исследования социального положения женщин можно проследить две линии: зарубежные исследования, выполненные в рамках гендерной концепции, и работы отечественных специалистов (историков, культурологов, этнографов, археологов и др.), под разными ракурсами рассматривавшими этот вопрос.

В западной науке изучение положения женщин в обществе – одна из актуальных тем исследований. В последние два десятилетия XX в. под рубрикой «гендерная история» на Западе вышло в свет множество монографий, публикаций в журналах (например, «Social Science History», «Journal of Women's History», «Gender and History», «Clio: histoire, femmes, sociétés», «Arenal: revista de historia de las mujeres» и др.) и сборниках по различным хронологическим периодам и регионам. Ключевыми сюжетами для изучения стали разные сферы жизнедеятельности – брак, семья, домашнее хозяйство, рынок, политика, религия, образование, культура и т.д., в которых роль индивида зависит от его гендерной принадлежности (Дж. Скотт). Проведённые исследования позволили определить социальное поло-

жение, роли мужчин и женщин не только в современных, но и средневековых и индустриальных обществах. Стремление «восстановить историческое существование женщин» привело в 1970-1980-е гг. к пересмотру многих положений, существующих в гуманитарных науках. Было заявлено, что культурная/социальная антропология изначально являлась «андроцентричной» наукой (К.У. Гейли, Э. Повинелли, С. Слокам, К. Флюер-Лоббан), т.к. представления, полученные учёными о различных сферах жизни аборигенов (верованиях, обычаях, трудовой деятельности и т.д.), были основаны на изучении социальных ролей мужчин, «мужской субкультуры». Выводы относительно общества в целом исследователи делали, абстрагируясь от различий женщин и мужчин, апеллируя к «человеку вообще», т.е. к мужчине. Фокусируясь на общественных ролях и поведении, антропологи пренебрегали теми сферами, в которых женский опыт был наиболее заметен, и значим. Гендер редко оценивался, как значимый фактор, влияющий на поведение. Впоследствии была сделана попытка переосмыслить традицию, идущую со времен античности, обосновывающую «принижённое» положение женщин в обществах «естественным порядком вещей». Переоценка данных установок дала возможность по-новому взглянуть на роли женщин во многих сферах жизни; стало известно о существовании у разных народов дифференцированных групп женщин; «женского опыта», выражавшегося в языке, танцах; творчестве, поведении (манипулировании родственными связями, устройстве свадеб, похорон, праздников, управлении родильно-крестильными обрядами) и т.п. Новый взгляд на историю выявил примеры, когда на политической сцене главные роли играли именно женщины, среди них – и основательницы правящих родов и династий, и полновластные правительницы, и военные предводительницы, и представительницы знатных «фамилий», и пророчицы (знахарки, колдуньи и т.п.). Кроме того, стало ясно, что роли, трудовые функции, типы поведения, черты характера, особенности внешности мужчин и женщин культурно обусловлены (М. Мид, Н. Чодороу). Стали изучать их хозяйственные занятия в зависимости от необходимых для этого орудий труда и физико-географических условий (климат, почва, температура, экологические изменения) (Р.Л. Блумберг, Г. Ленски и Дж. Ленски, И. Фридл, Л. Татл, Дж. Хубер). Появились гендерные исследования, рассматривающие роль и статус женщины в первобытных обществах по данным погребального обряда (С. Гамильтон, Дж. Келлендер, К.И. Райт, П.Дж. Смит, Р.Д. Уайтхаус). Некоторые работы были посвящены женским божествам, их изображениям (рельефным, наскальным, на монетах) (М. Гимбутас, М. Грин, Л. Гудисон, К. Моррис, Дж. Мэндт). В целом отметим, что в зарубежных исследованиях реализуется «антропологический» подход к анализу прошлого, позволяющий отойти от изучения различных институтов, групп общества и сосредоточится на исследовании «мира человека» ушедших эпох.

В отечественной науке к изучению положения женщины в обществе обратились историки, культурологи и этнографы (С.Б. Адоньева, А.К. Байбурин, Т.А. Бернштам, Ю.Л. Бессмертный, Д.К. Зеленин, Г.И. Кабакова, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина, О.В. Рябов, Т.Б. Рябова, Т.Б. Щепанская, А.Л. Ястребицкая и др.). Некоторые исследования были посвящены комплексному анализу социокультурной дифференциации полов, стереотипным формам мужского и женского поведения у ряда народов Европы, Азии, Африки, Америки,

Австралии и Океании (М.Ф. Альбедиль, В.Р. Арсеньев, Е.Ю. Берёзкин, А.А. Маслов, Е.В. Ревуненкова, С.Б. Чернецов, Я.В. Чеснов и др.). Немало исследований было посвящено изучению женского костюмного комплекса, возрастных групп женщин по этнографическим данным (С.Б. Адоньева, В.Н. Белицер, Г.П. Васильева, Н.И. Гаген-Торн, Н.П. Гринкова, Д.К. Зеленин, Ю.В. ИONOва, Г.С. Маслова, Л.А. Мерварт, А.С. Морозова, Л.П. Потапов, Н.Н. Прокопьева, С.В. Суслова, О.А. Сухарева, Л.А. Чвырь и др.). В социально-гуманитарное знание в нашей стране с начала 1990-х гг. проникает понятие «гендер», начинается изучение истории развития гендерных исследований и их теоретико-методологической базы (Н.И. Абубикирова, С.Г. Айвазова, О.А. Воронина, Т.А. Гурко, Е.А. Здравомыслова, А.В. Кирилина, М.М. Малышева, Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина, А.А. Тёмкина). К вопросу о положении женщин в первобытных обществах в разной степени обращались многие учёные. Большое количество работ было посвящено рассмотрению проблемы «матриархата», роли женщины в верхнепалеолитическую и энеолитическую эпоху, образу женщины в первобытном искусстве (З.А. Абрамова, С.Н. Борисковский, А.С. Гушин, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнин, С.В. Иванов, М.О. Косвен, А.П. Окладников, В.И. Равдоникас, А.Д. Столяр, С.А. Токарев, С.П. Толстов, А.К. Филиппов, Б.А. Фролов). Не меньший интерес вызвал анализ парных и тройных погребений эпохи бронзы степей Евразии в связи с реконструкцией форм семейно-брачных отношений (М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, М.А. Итина, С.В. Киселёв, А.М. Мандельштам, В.С. Сорокин, М.Д. Хлобыстина, С.С. Черников). Изучение особенностей социального развития кочевых обществ раннего железного века и средневековья было тесно связано и с анализом статуса женщины в социальной, политической, культовой и военной сферах (Е.П. Бунятян, А.С. Васютин, С.А. Васютин, Б.Н. Граков, П.К. Дашковский, Н.Н. Крадин, Г.Е. Марков, Н.П. Матвеева, Т.В. Мирошина, С.А. Плетнёва, Н.В. Полосьмак, А.П. Смирнов, К.Ф. Смирнов, А.А. Тишкин, С.П. Толстов, А.М. Хазанов). Благодаря этим исследованиям, сложились определённые представления о социальном положении женщин у кочевников. Культурологический подход к изучению женского археологического костюма отличает работы Н.Б. Крыласовой, А.Н. Павловой по средневековым древностям Волго-Камья, основанные на использовании данных археологии, этнографии, фольклора, истории, языкознания. Что касается реконструкции и анализа статусов женщин в обществах эпохи бронзы, то эта проблема остаётся открытой, т.к. в литературе имеются фрагментарные суждения по данному вопросу. Скорее всего, этого связано с тем, что исследований, посвящённых моделированию социальных структур древнего населения лесостепи и южной тайги Западной Сибири бронзового века, пока ещё мало; полного представления о социальных отношениях мы, по-прежнему, не имеем, хотя различные аспекты социокультурного развития древних обществ были рассмотрены В.В. Бобровым, В.С. Горяевым, В.А. Зах, Ю.Ф. Кирюшиным, А.И. Мартыновым, В.И. Матющенко, Ю.И. Михайловым, В.И. Молодиным, С.С. Тихоновым и др. Отсутствуют культурологические исследования гендерной проблематики данного региона.

Проблема настоящего исследования заключается в следующем. Многообразный историко-этнографический и культурологический материал фиксирует половозрастные и социальные характеристики мужчин и женщин в культурах различ-

ных эпох и регионов, однако недостаточно полно отраженным остается социокультурный статус женщин в первобытных обществах и, в частности, социумах бронзового века Западной Сибири. Археологический и антропологический материал позволяет конкретизировать социальное положение женщин данного периода, а тем самым специфицировать представление о социокультурном устройстве первобытных обществ.

Объектом изучения являются первобытные общества бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири.

Предмет исследования – социовозрастные особенности женщин в культуре древних социумов.

Цель работы заключается в определении социального положения женщин в культуре первобытных западносибирских обществ по материалам погребальных памятников бронзового века.

В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи**:

- проследить историю изучения социального положения женщин в древних обществах;
- охарактеризовать теоретико-методологические основания социальных реконструкций первобытных обществ;
- применить методику исследования женских захоронений к материалам могильников бронзового века Западной Сибири;
- охарактеризовать социовозрастные статусы женщин в культуре древних социумов бронзового века лесостепной и южно-таежной зоны Западной Сибири;
- конкретизировать социокультурный статус женщин в первобытных обществах.

Источники. Спецификой культуры первобытных обществ (в частности бронзового века) является отсутствие письменных, фольклорных, лингвистических источников, напрямую связанных с древним населением. Поэтому изучение социокультурных отношений возможно на основе археологических и антропологических данных. Погребальные памятники становятся важным источником для решения социокультурных вопросов.

Основой данной работы являются данные о женских погребениях, а единицами анализа – останки женских скелетов, обнаруженные в захоронениях. Мы не ставили задачи собрать и обработать все имеющиеся сведения по женским погребениям памятников бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири. Несмотря на наличие большого, но разнородного корпуса источников, приоритет был отдан наиболее изученным и большей частью раскопанным могильникам, имеющим палеоантропологические определения костяков, а также не менее десяти женских погребений. Учитывалась также степень сохранности могильных ям и сопроводительного инвентаря. Если некрополь не соответствовал выбранным критериям отбора, то его исключали из анализа. В итоге для достижения поставленной цели были отобраны восемь памятников, сведения о которых были получены из:

- отчётов о раскопках Еловского-I и Еловского-II могильников за 1960-1962, 1965-1969, 1979-1982 гг., которые хранятся в архивах МАЭС ТГУ им. В.М. Флоринского (г. Томск) (ф.2, №№ 215, 236, 264, 284, 321, 341, 353, 419) и

МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (г. Омск) (ф. 2, д. 17, д. 24, д. 28, д. 34), автор – В.И. Матющенко;

- публикаций результатов раскопок могильников, исследованием которых в разные годы занимались Л.В. Александрова, В.В. Бобров, В.Ф. Генинг, А.Л. Емельянов, В.А. Зах, Е.М. Зах, Л.И. Копытова, В.П. Левашова, А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, В.И. Матющенко, В.А. Могильников, В.И. Молодин, Д.П. Славнин, Т.Н. Троицкая и многие другие исследователи.

Также были привлечены результаты антропологического анализа костных останков погребённых людей, выполненного А.Н. Багашёвым, В.А. Дрёмовым, Г.В. Рыкушиной, Т.А. Чикишевой. Для изучения были взяты сведения по погребениям 309 женщин от десяти до шестидесяти пяти лет.

При подготовке историографических обзоров широко использовалась культурологическая, философская, психологическая, социологическая, историко-этнографическая, археологическая литература.

Хронологические и территориальные рамки работы. В данном исследовании, нам не нужно было проводить культурную и этническую атрибуцию археологических памятников, поэтому мы использовали археологические материалы в интерпретации авторов раскопок. Поэтому многие дискуссионные вопросы, касающиеся генезиса, хронологических, территориальных рамок, названия культур и т.д. были опущены. Кроме того, эти вопросы неоднократно рассматривались разными учёными.

В работе были использованы материалы погребений Чистолеляжского и Хрипуновского могильников второй четверти XX – первой половины XVIII вв. до н.э. алакульского этапа алакульской культуры; погребений черноозёрского типа – XIV-XII вв. до н.э. могильника Черноозерье-I; фёдоровских XIII – IX вв. до н.э. и ирменских IX – рубежа VIII-VII вв. до н.э. погребений могильника Преображенка-3; еловских погребений XII-X вв. до н.э. Еловского-I могильника; андроновских (фёдоровских) XIII – XII вв. до н.э., андроновско-еловских XII-XI вв. до н.э. и еловских погребений XI-X вв. до н.э. Еловского-II могильника; ирменских погребений конца IX – VII вв. до н.э. могильника Журавлёво-4, погребений могильника Заречное-1 конца XI – конца IX вв. до н.э. ирменского этапа ирменской культуры.

Таким образом, хронологические рамки работы охватывают период от второй четверти XX – первой половины XVIII вв. до н.э. до рубежа VIII-VII вв. до н.э.

Территориально выбранные для анализа могильники располагались в лесостепной и южнотаёжной зоне Западной Сибири, а именно в Тоболо-Исетье (Чистолеляжский, Хрипуновский), Среднем Прииртышье (Черноозерье-I), Обь-Иртышском междуречье (Преображенка-3), Томском Приобье (Еловский-I, Еловский-II), Кузнецкой котловине (Журавлево-4) и Присалаирье (Заречное-1).

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации является системный подход, который подразумевает изучение любого объекта как системы. Важную часть философского обоснования подхода составляют понятие «система» и принципы системности. Как способ научного познания и практической деятельности, системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта (А.Н. Аверьянов, В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, М.С. Каган, М. Коськов, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин).

Значительное место в исследовании занимает использование категорий социального анализа: «общество», «социальная структура», «статус», «ранг», «роль», «группа», «дифференциация», «стратификация», «мобильность», разработанных отечественными (А.Н. Аверьяновым, В.Г. Афанасьевым, И.В. Блаубергом, Ю.Н. Давыдовым, И.С. Коном, С.А. Кугель, Г.В. Осиповым, А.И. Першицем, В.В. Радаевым, В.Н. Садовским, О.И. Шкаратан, Э.Г. Юдиным, В.А. Ядовым) и зарубежными (Б. Барбером, М. Вебером, Э. Гидденсом, Р. Дарендорфом, К. Дэвисом, Э. Дюркгеймом, Л. Козером, Р. Мертоном, Ч.Р. Миллсом, У. Муром, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, П.А. Сорокиным) учёными.

Большую роль играет опора на теоретико-методологические основания социальных реконструкций древних обществ, разработанные и применяемые в «социальной археологии», первобытной истории (работы В.А. Алёхина, Г.Е. Афанасьева, В.В. Боброва, Е.П. Бунятян, С.А. Васютина, В.Ф. Генинга, А.Д. Грача, В.И. Гуляева, А.О. Добролюбского, С.В. Ивановой, С.П. Ковтун, А.Г. Колесникова, Д.С. Коробова, Н.Н. Крадина, В.М. Массона, Н.П. Матвеевой, В.С. Ольховского, А.А. Тишкина, М.Д. Хлобыстиной и др.) и «новой археологии» (труды Л. Бинфорда, К. Ренфрю, А. Сакса, Дж. Тэйнтера и др.).

Значительным для диссертационной работы было использование теоретических и практических исследований антропологов, этнографов, культурологов, историков первобытного общества – Ю.П. Аверкиевой, Р. Айслер, Ю.В. Андреева, О.Ю. Артёмовой, К.У. Гейли, Н.М. Гиренко, И.С. Кона, К. Леви-Стросса, М. Мид, А.И. Першица, К. Флюер-Лоббан, В.А. Шнирельмана, М. Элиаде; а также знакомство с гендерной концепцией и теоретико-методологической базой гендерных исследований, рассмотренных в работах О.А. Ворониной, Е.А. Здравомысловой, Н.Л. Пушкаревой, Л.П. Репиной, А.А. Тёмкиной, Е.Р. Ярской-Смирновой и др.

При изучении социовозрастного аспекта культуры древних обществ мы использовали терминологический аппарат («возраст», «возрастная группа», «возрастной символизм», «социально-возрастная стратификация», «жизненный путь», «этапы жизненного цикла», «обряды перехода», «инициации», «маргинальные группы») и теоретические исследования в области этнографии и культурологии (Ф. Ариес, Т.А. Бернштам, В.В. Бочаров, Н.А. Бутинов, А. Геннеп, ван, К.П. Калиновская, И.С. Кон, В.А. Попов и др.). Важным было и изучение исследований этнографов, выявивших закономерности функционирования женского костюмного комплекса в традиционных культурах (В.Н. Белицер, Г.П. Васильева, Н.И. Гаген-Торн, Н.П. Гринкова, Д.К. Зеленин, Ю.В. Ионова, Г.С. Маслова, А.С. Морозова, Л.П. Потапов, Н.Н. Прокопьева, С.В. Суслова, О.А. Сухарева, Л.А. Чвырь и др.), а также разработок культурологов (А.К. Байбурин, П.Г. Богатырев, А.Л. Топорков), раскрывших семиотические аспекты функционирования вещей в традиционных обществах.

В ходе исследования нами использовались философские, общенаучные и конкретнонаучные методы: анализ и синтез, систематизация, классификация, корреляция, описание, реконструкция, метод археолого-этнографических аналогий и сравнительно-исторический метод. Для проведения статистического анализа использовано программное обеспечение – Microsoft Access, Microsoft Excel.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- обосновано то, что, опираясь на археологический и антропологический материал можно охарактеризовать социовозрастные особенности женщин. По данным рассмотренных могильников бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири было выделено от двух до пяти социовозрастных групп женщин: пять (по материалам алакульских погребений), три – пять (по материалам по андроновских могил), четыре (по материалам по черноозёрских захоронений), три – четыре (по материалам еловских погребений), две – три (по материалам ирменских захоронений);

- установлено, что захоронения женщин в рамках социовозрастных групп были неоднородными и отличались разным составом сопроводительного инвентаря. Учитывая то, что прижизненный социальный статус умершего человека отражался в погребальном обряде, были выделены две социальные группы, к которым относились погребенные женщины при жизни. Группы условно обозначены как «знатное» и «рядовое» население.

- определено социальное положение женщины в культуре древних обществ бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири, которое варьировалось в зависимости от ее социовозрастного статуса, соответственно, оно менялось и по отношению к другим женщинам. Существовало деление на девушек и замужних женщин или на девушек-«невест», женщин-матерей и женщин-бабушек.

- разработана и аргументирована методика исследования женских погребений, позволяющая охарактеризовать социовозрастные особенности женщин в культуре первобытных обществ бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири, которая включала три этапа: 1) изучение элементов погребального обряда, его базисного уровня (погребальное сооружение, останки погребенного в могиле и сопроводительный инвентарь), по которому захоронены женщины на том или ином могильнике; 2) социовозрастной анализ групп женщин; 3) социальный анализ социовозрастных групп.

Положения, выносимые на защиту:

- социальное положение и социовозрастные статусы женщин в культуре первобытных обществ, в частности бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири, определялись на основе комплексного изучения материалов археологического, антропологического, культурологического и историко-этнографического характера с использованием теоретико-методологических подходов социального конструирования;

- выделение социовозрастных групп женщин по археологическим и антропологическим данным осуществлялось на основе анализа взаимосвязей элементов базисного уровня погребального комплекса;

- количество и хронологические рамки, выделенных по археологическим и антропологическим данным групп могли не совпадать, но основные этапы жизненного цикла женщины (инициация и/или свадьба, рождение ребёнка, окончание репродуктивного периода) фиксировались в системе возрастного символизма древних обществ бронзового века Западной Сибири. Ролевой набор женщины включал роли дочери, жены - хозяйки дома, матери, бабушки;

- социальный статус женщины зависел от её «социального возраста» и от места расположения социовозрастной группы, в которую она входила на шкале

престижности в структуре общества. Соответственно социальное положение женщины оценивается как доминантное или подчиненное по отношению к другим женщинам, с другой стороны, оно зависело и от того, к какой социальной группе принадлежала женщина.

Теоретическая значимость. На эмпирическом материале было доказано то, что в эпоху бронзового века, в первобытных западносибирских обществах существовала социовозрастная дифференциация женщин. Данная работа в определенной степени восполняет пробел, касающийся определения социального положения женщин в культуре первобытных обществ, а также дополняет исследования, посвященные моделированию социальных структур древних коллективов лесостепи и южной тайги Западной Сибири бронзового века. В диссертационном исследовании показана возможность социокультурного конструирования, которое отражает сложные междисциплинарные связи между социально-гуманитарными науками – археологией, историей, этнографией, культурологией, философией, социологией.

Практическая значимость. Результаты работы могут стать основополагающими при написании обобщающих научных исследований, характеризующих социокультурный статус женщин в социальных структурах древних, средневековых, традиционных обществ; научно-популярных изданий, учебных пособий и подготовке лекционных курсов и спецкурсов по историко-культурологической и гендерной проблематике в высших и средне-специальных учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы были представлены на следующих конференциях, симпозиумах и семинарах: XIII международном научном семинаре «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Омск, 2005); XIV международном научном семинаре «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Красноярск, 2006); XV международном научном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Одесса, 2007); XVII международном научном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Омск, 2009); Всероссийской (с международным участием) XLIII археолого-этнографической конференции молодых учёных «Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем» (Томск, 2003); Всероссийской (с международным участием) XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции «Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий» (Томск, 2005); III Всероссийской научной молодёжной конференции «Под знаком Σ » (Омск, 2005); Всероссийской научной конференции «Западная и Южная Сибирь в древности» (Барнаул, 2006); Всероссийской конференции «VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова» (Омск, 2008); XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных «Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времён до современности» (Кемерово, 2004); XLI Региональной археолого-этнографической конференции «Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий» (Барнаул, 2001); XLII Региональной археолого-этнографической конференции «Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока» (Омск, 2002); се-

минаре ОФ ИАЭТ СО РАН «Этнографо-археологические комплексы Западной Сибири» (Омск, 2005).

Диссертация в полном объеме обсуждалась на секторе археологии Омского филиала археологии и этнографии СО РАН и кафедре первобытной истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, разделённых на несколько параграфов, заключения, списка источников, списка литературы, списка сокращений и приложения, включающего текстовый, табличный и иллюстративный материал.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, раскрыта степень изученности темы, сформулирована проблема, определены объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи работы, охарактеризованы источники, обозначены хронологические и территориальные рамки, рассмотрены методология и методы исследования, показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, изложены положения, выносимые на защиту, представлены результаты апробации работы, структура диссертации.

Первая глава «История изучения социального положения женщин в древних обществах» посвящена рассмотрению широкого спектра концептуальных вопросов, связанных с теоретическими аспектами социально-гуманитарного знания, позволяющими определить социальное положение женщин в семье и обществе, в том числе и в древних социумах.

В первом параграфе «Философские, социологические, психологические, культурологические концепции о социальном положении женщин в семье и обществе» показано, что история человеческого общества на протяжении тысячелетий (от античности до современности) демонстрировала строгое разграничение функций и обязанностей двух его частей – «мужской» и «женской». Взаимоотношения женщин и мужчин, определение их положения в семье и обществе, исследования социальных аспектов пола, разделения труда и дифференциации социальных ролей по признаку пола, представления о категориях «маскулинное» и «феминное» – являлись одними из основных тем исследований. Мыслители всех исторических эпох писали о женщинах, старались создать идеалы женского поведения и репрезентации, стремились показать различные образы женщин, которые могли быть прямо противоположными друг другу. Вопрос о месте и роли женщины в социуме оказался противоречивым: с одной стороны, ее считали «существом неполноценным, второсортным», с другой стороны, боготворили и почитали. Эти идеи прослеживаются в религиозной литературе, научных и философских трактатах, художественных произведениях, культурологических исследованиях и т.п. Истории женщин различных эпох, стран и регионов посвящена масса и современных работ, как отечественных, так и зарубежных специалистов. Среди основных направлений анализа можно выделить такие, как «женская субкультура», «женское воспитание и образование», «мир глазами женщины», «тело и сексуальность», «любовь, брак, семья», «материнство и детство», «женщины, экономика и право», «женщины, власть и политика», «женщины и религия», «матриархат» -

«патриархат» и т.д. Поэтому интерес к анализу статусов, ролей, сфер деятельности женщин и мужчин различных обществ наблюдается уже с древности, с эпохи античности вплоть до современности. При этом касающиеся этих вопросов философские, социологические, психологические, культурологические теории, несмотря на их разное предметное содержание, основаны на двух принципах - признается, что: различия между мужчинами и женщинами имеют исключительно биологическую природу; роли мужчин и женщин позиционированы как диаметрально противоположные. Появление гендерной концепции позволило по-иному посмотреть на сложившуюся ситуацию. Эта тенденция, несомненно, имеет положительный характер. Однако во всех исследованиях анализ касался сравнения социального положения мужчины и женщины в семье и обществе, традиционных форм полового разделения труда, генезиса полоролевой стратификации. При этом не важно - оспаривались ли различия между мужчинами и женщинами (биодетерминистские концепции) или же констатировались и интерпретировались (гендерная концепция). Кроме этого, при подобном сравнительном анализе игнорировались существенные различия между самими женщинами, которые, как группа, далеко неоднородны по таким стратификационным категориям, как класс, раса, этничность, возраст и т.д. Нужно учитывать, что социальное положение женщины варьировалось в зависимости от ее социовозрастного статуса, оно менялось и по отношению к другим женщинам. Представляется необходимым первоначально провести исследование в рамках одной половой группы, выявив все ее особенности и различия, а затем уже преступать к сравнительному анализу с другой группой. В таком случае оправданным становится сравнительный анализ социального положения мужчины и женщины в семье и обществе. Другим аспектом этой темы, который, к сожалению, мало учитывался исследователями, был следующий. Так как мужская сфера жизнедеятельности была открытой и понятной для изучения, а «мир женщин» оставался скрытым от посторонних глаз, то многие выводы относительно положения женщин в семье и обществе, сделанные сторонними наблюдателями, были не всегда верными (а, именно, о бесправном, подчиненном положении у многих народов). Исторические знания о женщинах ушедших эпох фрагментарны и ограничены объективными обстоятельствами. Сведения, полученные в результате экспедиций торговцев, путешественников, ученых о жизни встреченных ими народов, бесценны и служат важным источником для изучения. Но у них есть недостаток – они односторонние, описывают только одну часть общества – мужскую, характеристика «мира женщин» оставалась поверхностной. Современные разработки, прежде всего, гендерные исследования по этнографически существующим обществам, показывают, что сами женщины не воспринимали свое положение с негативной стороны. Напротив, они были полны собственного достоинства за себя и свою роль в жизни семьи и общества. Поэтому только на основе «проникновения» в «женскую субкультуру» можно проводить исследование. Эту попытку, только по материалам древних обществ, осуществили отечественные специалисты - историки первобытного общества, культурологи и археологи.

Во втором параграфе «История изучения положения женщин в социальных структурах первобытных обществ» отмечается, что возникновение в западной науке в 1930-1950-е гг. «истории женщин» и трансформация этого направления в историю гендерных отношений в 1980-1990-е гг. оказали значительное

влияние на развитие социально-гуманитарных наук. Широкое использование понятия «гендер» при анализе социального статуса индивидов в древности привело к формированию гендерной археологии. С другой стороны новому взгляду на исследования способствовала разработка идей «процессуальной археологии». В отечественной науке в первой половине XX в. положение женщин в древних обществах изучали в русле идей о «матриархате» и материнском роде, в этом же ракурсе рассматривали женские образы в первобытном искусстве (фигурки верхнего палеолита и энеолита, барельефы верхнего палеолита, петроглифы бронзового и раннего железного веков, средневековые каменные изваяния). Интерес к гендеру и гендерным исследованиям возник позже, с начала 1990-х гг. Историки, культурологи и этнографы первыми обнаружили различия в понимании представителями различных народов ролей, прав и обязанностей мужчин и женщин. В археологии этот процесс не получил широкого распространения. Приоритетной стала вторая линия развития, а именно, изучение социальных структур древних обществ по археологическим данным. Эта тема развивалась в рамках «социальной археологии», истоки которой относятся к 1920-1930-м гг., а становление к 1970-м гг. В результате были разработаны теоретико-методологические подходы и методики, которые имеют много схожих черт с основными постулатами «новой археологии». Одним из этапов палеосоциального анализа является реконструкция половозрастной структуры, возрастных групп, стадий жизненного цикла древнего населения. Были предприняты попытки выделить возрастные группы женщин по археологическим данным. Другим направлением исследований является историко-культурная реконструкция элементов костюма (одежды, головного убора, обуви и т.п.) и причёсок женщин, основанная на использовании археологических, этнографических, изобразительных данных. Исследование парных, тройных погребений (установление зависимостей половозрастного состава) послужило основой для характеристики форм семейно-брачных отношений и определения статусов погребённых. Важным является то, что в некоторых исследованиях, посвящённых реконструкциям социальных структур древних обществ по материалам погребений, авторы проанализировали положение женщин. В целом, отметим, что вопрос о статусе женщин у кочевников оказался самым исследуемым. По-прежнему, анализ касался сравнения социального положения мужчины и женщины в семье и обществе; выяснения отношений господства и подчинения в положении полов. В большинстве работ был отклонён тезис о «приниженном», «неравноправном» положении женщины, а в некоторых случаях были высказаны идеи о более высоком статусе женщин, чем мужчин. При этом исследователи сошлись во мнении о том, что для кочевых обществ была характерна патриархальная, парная семья. Дискуссионными остаются вопросы, касающиеся определения статуса женщины в военно-политической и культовой сферах. Своеобразным свидетельством привилегированного положения некоторых женщин в древних обществах стали обнаруженные археологами «богатые» женские погребения. Интересными работами можно считать исследования, в которых предприняты попытки определить «гендерные маркеры» инвентаря погребённых, в частности орудий труда. Широкое привлечение данных антропологии позволило исследователям выйти на новый уровень интерпретации археологического материала.

Во второй главе «Теоретико-методологические основания социальных реконструкций» обосновывается необходимость рассмотрения основных понятий и концепций, которые используются в социологии и социальной философии, при анализе социальной структуры древнего общества.

В первом параграфе «Философско-социологические аспекты изучения социальной структуры общества» показано, что в социологии и социальной философии используется ряд базовых категорий, с помощью которых анализируют социальную структуру социума. В социологии различают два уровня структурной организации: макро- и микроструктуру. В зависимости от принятых исследователем уровня изучения структуры общества и концепции (исторический материализм, функционализм, теория конфликта, символический интеракционизм и др.), рассматривают и категории социального анализа.

При исследовании основных аспектов макроструктуры акцентируют внимание на таких понятиях, как «социальная группа», «социальный институт», «социальная стратификация», «социальная дифференциация» и «социальная мобильность», а при изучении микроструктуры рассматривают социальные статусы и роли индивидов, их взаимоотношения и взаимодействия в соответствии с принятыми в обществе нормами и ценностями.

При проведении социальных исследований в истории первобытного общества важной оказывается опора, именно, на теоретические разработки в области общественных наук, т.к. часто невозможно использовать терминологию письменных источников, которые могут просто отсутствовать.

Во втором параграфе «Изучение социальных структур древних обществ по данным погребального обряда» основное внимание уделено нескольким вопросам: о социальной значимости погребального ритуала; о выделении основных этапов методики социального конструирования по данным погребального обряда; о методах, которые позволяют реконструировать и анализировать социальные объекты (статусы и роли, группы) по археологическим и антропологическим данным; об определении археологических признаков для характеристики дифференциации общества, о способах оценки «богатства» погребального инвентаря.

Признается, что погребальные обряды являются отражением осмысления социальной связи живых и мертвых. Осознавалась четкая сопричастность умерших к коллективам живых людей - сопричастность, для которой смерть вовсе не являлась непроходимым барьером. Социальная значимость и мировоззренческая основа погребального обряда заключается в функции «перевода» умершего в «мир иной» и «защиты» живых. В эпоху первобытного общества и в раннеклассовых образованиях существовала тесная связь между погребальным обрядом и социальной структурой, поэтому проведение социальной реконструкции на основе интерпретации данных погребального обряда считается возможной. В погребальном ритуале содержится «закодированная информация», которая отражает различные стороны жизни древнего общества и находит «опредмеченное» выражение в погребении. Наиболее ярко прослеживается социологическая информация в погребальных памятниках.

Подтверждается, что вопросам социокультурного развития древних обществ в отечественной науке учёные уделяли немалое внимание, т.к. проведение социологического исследования позволяет в какой-то степени представить те социокуль-

турные отношения, которые существовали в древних коллективах и отразились в погребальных ритуалах. Анализ литературы показал, что подробно охарактеризованы принципы и теоретико-методологические подходы, необходимые для проведения палеосоциальных исследований. По многим археологическим культурам накоплен огромный материал, который требует разработки и внедрения в исследование различных способов его систематизации и анализа. Исследователи предлагают свои методики по изучению социальных вопросов истории древних обществ по материалам некрополей. Некоторые из них были успешно использованы на практике. Всё это позволяет продолжить разработку новых исследовательских процедур. Методика изучения социальной структуры древних обществ является многоэтапной процедурой, направленной на использование комплекса источников (археологических, антропологических, этнографических, письменных, фольклорных, лингвистических, данных культурологии, религиоведения, социологии, философии, психологии, естественных наук и т.д.). Немаловажными оказываются математические и статистические методы обработки археологических материалов. Отметим, что методика в любом случае должна включать как минимум четыре этапа, последовательно вытекающих друг из друга: 1) реконструкция и изучение элементов погребального обряда; 2) половозрастной анализ погребённых; 3) социальный анализ половозрастных групп; 4) моделирование гипотетических социальных структур и их характеристика.

В литературе представлены различные методы, позволяющие реконструировать и анализировать социальные статусы и роли, группы, среди которых наиболее перспективными являются: метод анализа погребального инвентаря, метод анализа трудовых затрат, метод планиграфии, палеодемография, антропологическое изучение минеральных частей скелетных тканей и палеогенетические исследования. Выбор метода (ов) анализа определяется спецификой археологического материала и задачами работы.

При анализе социальной дифференциации древних социумов на основе данных погребальной обрядности можно учитывать совокупно или по отдельности такие признаки, как половозрастной состав погребённых; трупоположение в могиле; погребальный инвентарь (состав и количественно-качественная характеристика); параметры и конструктивная сложность погребальных сооружений; наличие жертвоприношений (людей, животных).

Критерии «богатства» погребального инвентаря являются переменной величиной, они изменяются в зависимости от конкретной исторической ситуации. Система ценностей древних людей могла отличаться от современной, что необходимо учитывать при выделении «богатых» и «бедных» могил. Большинство исследователей придерживаются такого мнения, что в «богатых» погребальных комплексах сосредоточены результаты овеществленного труда большого числа людей и что оставившие их коллективы осознавали высокие социальные позиции погребённых в них лиц.

В третьей главе «Женщины в культуре первобытных обществ» признается, что археологический и антропологический материал позволяет конкретизировать социальное положение любого человека (женщины или мужчины) в древности. Учитывая, что реконструкции социальных структур основаны преимущественно на использовании данных по мужской части обществ, появляется необхо-

димось отразить социокультурный статус женщин в культуре древних обществ по материалам погребальных памятников.

В первом параграфе «Методика исследования» подробно изложены принципы анализа, рассмотрена источниковая база и описан алгоритм работы.

В палеосоциальных исследованиях используют понятия, разработанные в социологии и социальной философии («социальная структура», «социальный статус», «социальный ранг», «социальная группа», «социальная дифференциация» и «социальная стратификация»).

Реконструкции социальных структур древних обществ, основанные на комплексном анализе источников, выполняют в рамках системного подхода. В основе системного подхода лежит изучение объектов как систем.

Общество выступает как динамическая саморазвивающаяся система, в данном случае социальная. Устойчивая совокупность элементов социальной системы, взаимосвязанных между собой и упорядоченных относительно друг друга, представляет собой социальную структуру общества (совокупность экономической, политической, социальной и духовной подсистем). В древних обществах социальная подсистема включала в себя несколько структур различного ранга (половозрастную, семейно-брачную, сословно-ранговую, потестарную, профессиональную, религиозно-мифологическую и т.д.). При этом основополагающей была половозрастная структура, поэтому статус индивида зависел от таких категорий, как пол и возраст.

В палеосоциальном анализе основное внимание уделяют изучению макроструктуры общества. Специфика такой структуры состоит в том, что она складывается на базе социальных групп. Социальный анализ половозрастных групп древнего населения позволяет выделить социальные группы. Статус группы находит отражение в погребальном обряде, маркировался количеством вложенных трудозатрат на проведение похоронного обряда. Социальные группы занимают различные места в системе социального неравенства, что образует иерархию, поэтому структура общества всегда выступает как стратификационная система. Социальная дифференциация может существовать без стратификации, но не наоборот. Социальная структура не является статичной, в обществе осуществляются процессы групповой мобильности. Социальная идентификация могильника возможна с такими социальными образованиями первобытности, как род, община и племя. Но, в целом, определение стадии социокультурной эволюции по археологическим данным – это довольно сложный процесс.

При рассмотрении микроструктуры, анализируют статусы, роли индивидов, их взаимодействия и отношения. Как элемент социальной структуры, индивид мог одновременно пребывать в нескольких группах, занимая при этом разное положение. Различия в положении индивидов являются социальными, и проявляются в неодинаковом доступе к «благам» (собственности, власти, престижу и т.д.). Статус мог быть связан с социальной «ценностью» человека для коллектива (если не учитывать имущественное и социальное неравенство в обществе); мог быть наследуемым и достигаемым (=ранг), мог изменяться (повышаться или понижаться), что свидетельствовало об индивидуальной мобильности индивида. Социальный статус человека определялся той ролью, которую он играл в обществе (вожди, родовые старейшины, воины, «мастера», выдающиеся охотники, лица, связанные с

исполнением культа или творчеством и т.д.). Прижизненный социальный статус умершего отражается в погребальном обряде. Анализ социально значимых признаков погребального обряда позволяет обнаружить модель рядового погребения и зафиксировать отклонения от неё, что даёт возможность выделить носителей разных ролей, статусов и рангов.

В этнографических и культурологических материалах можно найти различные сведения о социально-возрастной дифференциации женщин. Разделение на женские возрастные группы универсально и характерно для многих традиционных обществ XIX-XX вв. (индоевропейцы, тюрки, самодийцы, финноугры и мн.др.). В костюмном комплексе (как одном из наиболее архаичных элементов культуры) отражаются социовозрастные изменения в жизни женщины. Каждая возрастная группа имеет «свои» специфические черты, меняющиеся при переходе в другую. Подобная закономерность прослеживается на археологическом материале, так же как и на этнографическом, т.е. возможно выделение женских социовозрастных групп. Таким образом, археологическая модель (социально-возрастная дифференциация женщин) может быть объяснена через этнографические параллели (данные о социовозрастных группах женщин в традиционных обществах). В данном случае сопоставление ведётся не по обществам в целом, а по комплексам взаимосвязанных признаков. Используются аналогии, опирающиеся на сходные признаки сопоставимых фактов, что позволяет переносить их с одного из изучаемых объектов на другой.

Далее подробно описаны источники, необходимые для анализа женских погребений (определены критерии отбора, причины, ограничивающие использование тех или иных данных; рассмотрены локальные, временные, социо- и этнокультурные особенности выбранных источников; заданы ориентиры их изучения).

Методика исследования включала три основных этапа: 1) изучение элементов погребального обряда, его базисного уровня (погребальное сооружение, останки погребенного в могиле и сопроводительный инвентарь), по которому захоронены женщины на том или ином могильнике; 2) социовозрастной анализ групп женщин (полученные в результате корреляции группы погребений стали основой для сравнения с моделями, взятыми из культурологической и этнографической литературы); 3) социальный анализ социовозрастных групп (выделение социальных моделей). Формальный и содержательный анализ женских захоронений по данным погребальных памятников бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири был проведен отдельно по каждому из них. Анализ сопровождался подготовкой текстового, табличного (33 шт.) и иллюстративного (55 рис.) материалов. Изложение результатов работы по данной методике дано в Приложении.

Во втором параграфе «Социовозрастные статусы женщин в культуре древних социумов бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири» охарактеризованы социовозрастные особенности женщин.

Социовозрастные статусы женщин в культуре первобытных обществ бронзового века лесостепи и южной тайги Западной Сибири определялись на основе комплексного изучения материалов археологического, антропологического, культурологического и историко-этнографического характера с использованием теоретико-методологических подходов социального конструирования. Полученные результаты показали, что система женских социовозрастных групп существовала

в древних коллективах, что этапы жизненного цикла женщин и возрастной символизм являются универсальными явлениями и фиксируются в погребальном обряде. По данным рассмотренных могильников было выделено от двух до пяти социовозрастных групп женщин: пять (по материалам алакульских погребений), три – пять (по материалам по андроновских могил), четыре (по материалам по черноозёрских захоронений), три – четыре (по материалам еловских погребений), две – три (по материалам ирменских захоронений). От алакульского к ирменскому времени наблюдается уменьшение количества существовавших социовозрастных групп женщин.

Изучение компонентов ритуального комплекса могильников позволило выделить группы женщин сначала только по археологическим данным. Выделение социовозрастных групп женщин осуществлялось на основе анализа взаимосвязей элементов базисного уровня погребального комплекса. Критерии выделения групп по каждому могильнику были «свои», но опирались они в основном на два социально значимых признака – сопроводительный инвентарь (его качественно-количественная характеристика, функциональное назначение, наличие единичных предметов, локализация) и размеры могильных ям. По мере взросления и перехода женщины из одной социовозрастной группы в другую набор украшений, которые ей можно было носить, становился более разнообразным (в количественно-качественном отношении), но, кроме того, выяснилось, что размеры могильных ям являлись признаком только социовозрастной дифференциации. Было замечено, что чем старше становилась женщина, тем в большую по размерам могилу её погребали после смерти, но эта тенденция проявляется только по отношению к восходящему этапу жизненного цикла женщины: девушка – зрелая женщина. Остальные маркеры, касающиеся характеристики погребального сооружения и останков погребённой в могиле, оказались мало вариативными и определяли скорее культурную принадлежность памятника, чем имели социальный характер.

Затем была проведена корреляция с антропологическими определениями возраста женщин. Мы ориентировались на существующую в антропологии градацию: раннее детство (*Infantilis I*) до 6-8 лет; позднее детство (*Infantilis II*) 6/8-12/14 лет; юношеский возраст (*Juvenis*) 12/14-17/20 лет, включая подростковый 12/13–15/16 лет; возмужалый возраст (*Adultus*) 20/22-30/35 лет; зрелый возраст (*Maturus*) 30/35–50/55 лет; старческий возраст (*Senilis*) 50-55 лет и старше. В итоге выяснилось, что «археологическая разбивка» не всегда совпадала с антропологической, последняя не учитывала социокультурных признаков. Совмещение археологических и антропологических данных дало возможность выделить социовозрастные группы женщин. Социовозрастная группа – это группа людей, которая выделяется на основе общности их хронологического и/или условного возраста, имеет специфические структуру, функции, знаковые средства, признаки, воспринимаемые и символизируемые культурой, изменяющиеся при переходе в другую группу. Таким образом, с возрастом мы связываем определённую стадию социально-психологического развития и общественного статуса индивида. Критерием отбора в группу стал социальный (условный) возраст, который мог не совпадать с биологическим (абсолютным) возрастом.

Количество и хронологические рамки, выделенных по археологическим и антропологическим данным групп могли быть разными, но основные этапы жизнен-

ного цикла женщины (инициация и/или свадьба, рождение ребёнка, окончание репродуктивного периода) фиксировались в системе возрастного символизма древних обществ бронзового века Западной Сибири. Ролевой набор женщины включал роли дочери, жены - хозяйки дома, матери, бабушки. Значение социовозрастных групп женщин в древних обществах было разным, кроме того, оно могло изменяться со временем: у «алакульцев» и «фёдоровцев» доминирующую роль играли женщины 20-45 лет, у «черноозерцев» – 30-45 лет, у «еловцев» – 20-35 и 45-65 лет, у «ирменцев» – 20-45, но больше 40-60 лет. Начиная с алакульского и до ирменского времени прослежено постепенное повышение статуса группы пожилых женщин. Общим признаком возрастной группы старых женщин было то, что переход происходил после 40 лет. Погребальный обряд по сравнению с другими возрастными группами упрощался, что выражалось в меньших трудозатратах на сооружение могильной ямы, минимальном наборе сопроводительного инвентаря или отсутствии многих его категорий, возможно скромной погребальной тризне и т.п. На уровне древнего общества переход в группу пожилых сопровождался понижением социального статуса женщины. На уровне семьи ситуация могла быть разной. В андроновском обществе отношение к старости и пожилым было «отрицательным». В черноозерском и еловском (особенно по материалам еловского этапа Еловского-II могильника) прослеживается тенденция повышения социального статуса возрастной группы пожилых женщин. Наконец, у «ирменцев» закрепилось «положительное» представление о старости и о пожилой женщине – хранительнице традиций и обычаев семьи и рода. Скорее всего, это было связано с числом женщин, доживавших до сорока и более лет (чем больше женщин доживало до этого возраста, тем больший вес они имели в обществе, что и отразилось на обряде их захоронения). По данным алакульских памятников процент женщин, умерших в возрасте 40-65 лет составил 9, по фёдоровским могильникам – 10/11, по черноозёрскому – 12, по еловским – 25/28 и по ирменским – до 77. В целом, положительным было восприятие молодости и зрелости, как периодов жизненной активности, поэтому неизменно высокое положение в обществе занимали женщины 20-40 лет. Статус подростка в обществе не был однозначным, скорее переходным: подростковый период был важным этапом включения во взрослую жизнь, но инициированные индивиды еще не играли той социальной роли, которая была свойственна взрослым членам коллектива. Формально эти различия нашли отражение в признаках погребального обряда – в малых размерах могильных ям и небольшом сопроводительном инвентаре. В этом плане, положение в обществе подростков и пожилых женщин было близким, с той лишь разницей, что подростковый период и последующий за ним возмужалый ассоциировались с молодостью, силой, продолжением рода, а старческий возраст – с закатом жизни.

Одним из принципов анализа было признание того, что прижизненный социальный статус умершего отражается в погребальном обряде. Это стало отправной точкой для социальной интерпретации полученных в ходе исследования групп женских погребений. Захоронения женщин в рамках «своих» социовозрастных групп часто были неоднородными, наблюдалась дифференциация, что и отразилось на разном составе сопроводительного инвентаря. Это позволило выделить несколько подгрупп в социовозрастных группах, а по всей совокупности женских погребений того или иного могильника мы смогли зафиксировать группы могил,

которые соответствовали рангам умерших женщин. Выяснилось, что возраст женщины не влиял на ранг, которым она обладала. Возможно, что характер расслоения определялся общим уровнем развития общества. Погребённые женщины при жизни могли относиться к двум социальным группам, различающимся по имущественному положению. Группы условно обозначены как «знатное» и «рядовое» население (группа 1 и группа 2). Схожие черты были обнаружены по материалам могильников Преображенка-3 и Заречное-1 (группа 2: «средние» и «бедные» подгруппы); Чистолебяжского, Хрипуновского и Еловского-I (группа 2: «богатые», «средние» и «бедные» подгруппы); Черноозерье-I и Журавлёво-4 (группа 1 – ранг 1; группа 2: «богатые», «средние» и «бедные» подгруппы – ранги 2-4); Еловский-II андр. и Еловский-II ел. (группа 1 – ранги 1-2; группа 2: «богатые», «средние» и «бедные» подгруппы – ранги 3-5).

Социальный статус женщины зависел от её «социального возраста» и от места расположения социовозрастной группы, в которую она входила на шкале престижности в структуре общества. Сравнительный анализ в рамках одной половой группы показал то, что женщины имели неодинаковое социальное положение, которое можно оценивать как доминантное или подчиненное по отношению к другим женщинам, с другой стороны, социальное положение зависело и от того, к какой социальной группе принадлежала женщина.

Третий параграф «Социокультурный статус женщин в первобытных обществах» посвящен изложению представлений о том, какое место занимали женщины в структуре первобытного общества (от раннепервобытной до позднепервобытной общины) и в религиозно-мифологической системе, на основе комплексного подхода к изучению источников (археологических, этнографических, письменных, фольклорных, религиозно-философских, данных культурологии и т.д.). На широком материале показана та важная роль, которую женщина играла в социальной, экономической, духовной, мифоритуальной, семейно-родовой сферах жизни древних коллективов в зависимости от уровня развития общества, палеоэкологических и палеогеографических условий обитания.

Неоднозначная проблема статуса женщины в первобытном обществе связана с решением нескольких дискуссионных вопросов: об отношениях господства и подчинения в положении полов; об извечности полового неравенства, о времени его возникновения (в классической первобытности или же в период классообразования) и причинах; о половых различиях в культурной и социальной сферах; о наличии символической иерархии полов; о гендерной дифференциации и времени осознания ее существования и т.д. При этом роль общественного разделения труда, как источника дифференциации мужских и женских ролей, признавалась большинством специалистов. Функционалисты считали, что общественное разделение труда было необходимым для выживания коллектива: мужчина-охотник, воин; женщина – мать, хозяйка. Однажды возникнув, оно закрепилось в социальных нормах и ценностях и стало восприниматься как «естественное». Для сторонников теории конфликта характерно рассмотрение женщин и мужчин как социальных групп, обладающих неравными статусами, а отношений между ними – как отношений власти. Конфликтологи исходят из того, что изначально отношения полов были эгалитарными, что основывалось на равной общественной значимости выполняемых видов трудовой деятельности. Ситуация изменилась с возникнове-

нием частной собственности, когда социальный статус женщины и значимость ее труда снизились; отношения трансформировались в иерархичные. Стоит, скорее всего, присоединиться ко взглядам сторонников гендерной концепции, признающих, что существующее в мире многообразие моделей полоролевого разделения функций, обусловленное различными социокультурными факторами, не позволяет говорить об универсальности разделения труда между полами; и даже ограничение активности женщины домашней сферой и семьёй не является показателем её подчинённости, т.к. в некоторых культурных контекстах могло быть выражением властной позиции. Факты, свидетельствующие об этом, показывают, что женщины всегда находили пути и методы для утверждения своего авторитета в глазах соплеменников и, таким образом, выступали как действующие лица истории. Женщины являлись объединяющим началом любого социума, т.к. они выступали и как прародительницы, хранительницы домашнего очага, и как носительницы и защитницы духовных сил и культурных ценностей семьи и общества.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, излагаются основные результаты и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Кильдюшева, А.А. Статус женщины в экономической сфере древних обществ [Текст] / А.А. Кильдюшева // Омский научный вестник. – 2006. - № 8 (44). – С. 22-25.

2. Кильдюшева, А.А. Погребальные обряды и их социальная значимость [Текст] / А.А. Кильдюшева // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы ХLI Региональной археолого-этнографической конференции / Под ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 12-14.

3. Кильдюшева, А.А. Изучение положения женщин в первобытном обществе (состояние вопроса) [Текст] / А.А. Кильдюшева // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы ХLII Региональной археолого-этнографической конференции / Под ред. Е.Ю. Смирновой, С.С. Тихонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 29-32.

4. Кильдюшева, А.А. О проблеме реконструкции социальной структуры древнего общества на археологическом материале [Текст] / А.А. Кильдюшева // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с международным участием) ХLIII археолого-этнографической конференции молодых учёных / Отв. ред. М.П. Чёрная. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 54-56.

5. Кильдюшева, А.А. Изменения в женском костюме, связанные с переходом в новую социовозрастную группу (этноархеологический подход) [Текст] / А.А. Кильдюшева // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времён до современности: Материалы ХLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных / Отв. ред. В.В. Бобров. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. – С. 313-316.

6. Кильдюшева, А.А. К вопросу о женской производственной магии в работах В.Н. Чернецова [Текст] / А.А. Кильдюшева // Проблемы историко-

культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. Л.А. Чиндина. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005а. – С. 20-22.

7. Кильдюшева, А.А. К вопросу о методе исследования универсалий: возраст и возрастное деление [Текст] / А.А. Кильдюшева // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005б. – С. 67-72.

8. Кильдюшева, А.А. К вопросу об интерпретации некоторых женских захоронений [Текст] / А.А. Кильдюшева // Социогенез в Северной Азии: В 2-х ч.: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005в. – Ч. I. – С. 254-258.

9. Кильдюшева, А.А. Пол как критерий социальной стратификации [Текст] / А.А. Кильдюшева // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005г. – С. 72-76.

10. Кильдюшева, А.А. Социовозрастные группы женщин по материалам Еловского археологического комплекса (ЕАК) [Текст] / А.А. Кильдюшева // Западная и Южная Сибирь в древности: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005д. - С. 80-84.

11. Блинова А.Н. Мир детства: этнографический и археологический аспект [Текст] / А.Н. Блинова, А.А. Кильдюшева // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко, А.В. Матвеев. – Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006. - С. 56-61.

12. Кильдюшева, А.А. Возрастные группы женщин бронзового века Западной Сибири [Текст] / А.А. Кильдюшева // Современные проблемы археологии России: В 2-х т.: Материалы Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006а. – Т. I. – С. 386-388.

13. Кильдюшева, А.А. Возрастные группы женщин по этнографическим данным и их отражение в археологических материалах [Текст] / А.А. Кильдюшева // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко, А.В. Матвеев. – Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006б. – С. 160-164.

14. Кильдюшева, А.А. Изучение положения женщин в древних обществах по археологическим данным [Текст] / А.А. Кильдюшева // Исторический ежегодник. 2005: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Якуба. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006в. – С. 70-76.

15. Кильдюшева, А.А. Роль женщины в межэтнических контактах [Текст] / А.А. Кильдюшева // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Сборник научных трудов: Материалы научно-практической конференции / Гл. ред. Р.Д. Голдина. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006г. – С. 20-22.

16. Кильдюшева, А.А. К вопросу об использовании украшений как археологических источников [Текст] / А.А. Кильдюшева // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Я. Труфанов. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2007а. – С. 34-36.
17. Кильдюшева, А.А. Парные, тройные и коллективные погребения Западной Сибири бронзового века [Текст] / А.А. Кильдюшева // Экология древних и традиционных обществ: Доклады научной конференции / Отв. ред. Н.П. Матвеева. – Тюмень: Изд-во «Вектор бук», 2007б. - Вып. 3. - С. 191-195.
18. Кильдюшева, А.А. Проблема выделения женских социальных групп и рангов (по материалам Еловского-I и Еловского-II могильников) [Текст] / А.А. Кильдюшева // История и культура Сибири: Сборник научных трудов, посвящённый 15-летию ОФ ОИИФФ СО РАН / Отв. ред. Е.Ю. Смирнова, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2007в. - С. 150-165.
19. Кильдюшева, А.А. Этнографо-археологические аспекты изучения старости [Текст] / А.А. Кильдюшева // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова. – Одесса; Омск: Издательский дом «Наука», 2007г. – С. 107-112.
20. Кильдюшева, А.А. Изучение социальных структур древних обществ по данным погребального обряда [Текст] / А.А. Кильдюшева // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Сборник научных статей / Под ред. П.П. Вибе; Сост. П.П. Вибе, Т.М. Назарцева. – Омск: Изд-во ОГИК музей, 2008а. - № 14. – С. 147-158.
21. Кильдюшева, А.А. О методике изучения положения индивида в социальных структурах древних обществ по материалам погребальных памятников [Текст] / А.А. Кильдюшева // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ф. Татауров, И.В. Толпеко. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008б. – С. 226-232.
22. Кильдюшева, А.А. Семантика керамического сосуда [Текст] / А.А. Кильдюшева // Социогенез в Северной Азии: Материалы 3-й всероссийской конференции / Отв. ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 154-158.

